

ПРОЛОГ

В эпоху, когда звезды еще помнили прикосновения богов, Дракон и Феникс правили небесами. Их любовь породила нас — детей пламени и мудрости, носителей божественной искры.

Мы были созданы совершенными: в нас в равной мере соединялись свет и тьма, сила и грация. Но совершенство — хрупкая вещь.

Шли века, и тьма, затаившаяся в горах, начала шептать. Ее голос был сладким ядом, проникающим в самые потаенные уголки наших душ. Мы разделились на кланы, забыв о единстве, которое когда-то делало нас непобедимыми.

Я помню день, когда небо треснуло. Крик Феникс разорвал воздух, ее огненные перья осыпались пеплом. Сердце нашей матери, не выдержав боли от предательства детей, покрылось льдом вечного сна.

Дракон, наш отец, чьи глаза хранили мудрость тысячелетий, взревел от горя. Его рев сотряс основы мира, вызвав лавины и цунами. Он обвинил могучим телом вершину Священной горы, укрывая замерзшее сердце Феникс своими крыльями.

С тех пор все изменилось. Трещины в небе стали воротами для чудовищ из иных измерений — тварей с клыками острее

кинжалов и душами темнее бездны. Они просачиваются в наш мир, сея хаос и разрушения.

Мы сражаемся. Кровь древних богов все еще течет в наших венах, даруя силу и ярость в битвах. Но мы разделены на кланы и по-прежнему проклинаем друг друга, оставаясь в неведении.

Лишь немногие из нас осмеливаются говорить правду — о тенях, что шепчутся в горах, о древнем зле, что манипулирует нами, как марионетками. Их голоса тонут в шуме битв и криках умирающих.

Но я... Я верю. Верю, что однажды мы прозреем. Что пелена спадет с наших глаз и мы увидим истинного врага. В тот день мы объединимся, сметая все преграды на своем пути.

И когда последняя ложь будет разоблачена, когда мы встанем плечом к плечу против подлинного зла, сердце Феникс оттаит. Она восстанет из пепла, величественная и яростная, как в день сотворения.

А пока... Пока мы ждем. Мы сражаемся. Мы выживаем.

В наших душах горит огонь богов. И пока он не погас, надежда жива.

Ибо мы — дети Дракона и Феникс. И наша цель — восстановить треснувшие небеса во что бы то ни стало.

ГЛАВА 1

Рассветное небо было холодным и тихим; Кира летела над скалами на пределе сил, не оглядываясь. Она старалась не сбавлять темп, прорезая ледяной воздух белоснежными крыльями с алыми кончиками. Здесь, у самых границ Пустоши, каждый взмах мог стать последним. Именно этот риск подстегивал ее лететь дальше.

Холод пронизывал до костей, но Кира не обращала внимания. Мысли обжигали сильнее, чем встречный ветер. Перед глазами вставали насмешливые взгляды и ухмылки. Белые крылья, слабая магия — все это было ее личной болью. Кира справлялась с ней по-своему — упорными тренировками.

Пока остальные полагались на магию, она рассчитывала только на себя.

Кира резко сорвалась в пике, вбирая воздух в грудь, и скользнула вдоль хребта, отталкиваясь от его теней. Вновь взмыла вверх, будто стремилась долететь до солнца. Дыхание стало рваным, плечи горели, но она не замедлялась. Не могла.

— Твоя сила не в магии, — шептала она себе, разворачиваясь в предрассветном воздухе, — а в том, что ты не останавливаешься.

Пустошь лежала под ней, словно растекшиеся по земле чернила, застывшая и угрюмая. Туман расстился тяжелыми волнами, затягивая трещины и впадины. Холодок пробежал по позвоночнику. «Твари из тумана — это всего лишь сказки...» — пыталась убедить себя Кира, но ее тело напряглось, и рука инстинктивно потянулась к кинжалу.

Она взмыла выше... Ветер бил в лицо, крылья наливались тяжестью.

Что-то темное мелькнуло на самой границе тумана. Кира моргнула — и видение исчезло. Что это было? Чудовище? Или еще один безумец, решивший бросить вызов Пустоши?

* * *

Солнце палило беспощадно. Тренировочная площадка казалась раскаленной сковородой, воздух дрожал от зноя, превращая дальние мишени в расплывающиеся силуэты.

— И зачем мы это делаем? — проворчал Фирен, отправляя копьё точно в цель. Его голубые глаза сверкали гневом, а крылья раздраженно подрагивали. Древко задрожало от удара, будто выражая его недовольство. — Эти ящерицы и пера моего не стоят! Все знают, что они слабее фениксидов!

Финорис, его сестра, фыркнула, темные кудри упали на лицо.

— Слабее, говоришь? — протянула она, тыкая брата в бок. — А кто, напомни, тебе перья-то повывергивал на границе в прошлом месяце? Я их, между прочим, собрала и сохранила. На память. — Весело оглядев брата, она подмигнула Кире.

Фирен злобно покосился на сестру — его гордость явно была задета.

Кира натянула тетиву, прицеливаясь, — традиционная перепалка близнецов не отвлекала ее от задачи. Ее медные волосы,

собранные в хвост, выделялись на фоне почти белоснежных крыльев. Лук казался продолжением руки, и в этот момент все ее внимание было сосредоточено на точке вдалеке.

— Если бы это не было действительно серьезно, нас бы не собирали, вы так не думаете? — Кира отпустила тетиву и нахмурилась, почувствовав, как шероховатая веревка слишком мягко ударила по пальцам. — Похоже, опять подтягивать придется.

Финорис задумчиво провела пальцем по рукояти метательного ножа.

— Знаете, анатомия драконитов удивительно отличается от нашей. Все думают, что их тело покрыто чешуей, но это не так. Зато крылья у них состоят из перепонки, натянутой между костями. Интересно, как это скажется на совместных тренировках...

— О свет очей моих, хватит душить, а? — раздраженно перебил ее Фирен, расправляя золотистые крылья, и перья засияли в лучах солнца, словно охваченные огнем. — Никто не просил тебя читать лекцию по анатомии драконитов. Я лично буду рад, если мне просто дадут напарника, который знает, что копье держат не за острие.

Финорис лишь закатила глаза и бросила нож, вонзив его в центр мишени.

— С твоими-то запросами, тень очей моих, лучше сразу приготовиться к разочарованию. — Она перевела взгляд на подругу. — И кстати, Кира, передай главе, что мама сегодня печет его любимый тыквенный пирог. Ужин в семь, не забудь.

Кира улыбнулась уголками губ, продолжая натягивать тетиву, хотя на душе у нее было беспокойно. Мысль о том, что скоро им придется стоять плечом к плечу с давними врагами, неприятно царапала сознание. Но слухи о нападениях тенебров —

чудовищ из Пустоши — продолжали множиться, и с каждым днем разговоры становились все тревожнее. Никто не знал, откуда они взялись и почему нападают. По крайней мере, командование не давало внятной информации, а отец отнекивался и ссылался на секретность. Многим казалось, что это очередная уловка вражеского клана драконитов.

— Да брось. Может, они даже удивят тебя, — Финорис продолжала дразнить брата.

Фирен зарычал в ответ, не скрывая раздражения, смахнул пот со лба:

— Это мы еще посмотрим.

Кира вздохнула, стараясь удержать концентрацию.

— Слушайте, — пробормотала она, натянула тетиву и выстрелила, — может, Совет передумает и оставит нас в покое? — Она не была уверена в необходимости совместных тренировок. Сам факт сближения кланов противоречил всему, во что их призывали верить с детства. Каждый фениксид знал, что дракониты — предатели и враги.

Стрела продырявила нарисованный круг деревянной мишени ровно в центре. Кира смотрела на мишень, но мысли ее блуждали далеко. Если отец все-таки отпустит ее в гарнизон, кто знает, возможно, она увидит там Аарона. С того дня, как они попрощались, прошло уже пять долгих лет. Она вспоминала его взгляд, его спокойную уверенность, ту особую улыбку, которую он иногда ей дарил. Ее первая любовь — и первая разлука. Она не могла не думать: осталось ли что-то от прежнего Аарона? Помнит ли он о ней? Но больше всего ее тревожило то, что она так и не успела сказать ему главное — то, в чем боялась признаться самой себе.

— Великолепно! — с одобрением произнесла Финорис, выдернув Киру из раздумий, и легко перекатила кинжал между пальцами. Ладонь засветилась от магии, и, не глядя, Фи-

норис резко метнула кинжал. Лезвие рассекло стрелу ровно пополам и застряло в мишени, окутанное золотистым светом.

Кира нахмурилась. По физической силе она могла соревноваться с лучшими, но магии в ней было катастрофически мало — жалкие искры, притаившиеся где-то глубоко внутри. Это знали все, и сама Кира чувствовала себя тенью среди тех, кто был рожден, чтобы сиять.

Финорис весело посмотрела на подругу, но, увидев ее хмурое лицо, сказала серьезным тоном:

— Кира, ты знаешь, что магия дается настойчивым. Все древние тексты об этом говорят. У тебя ведь отличная физическая подготовка, а еще ты внимательна — это поможет пробудить магию. Вот увидишь!

Фирен присвистнул:

— Какая же ты заноза в заднице!

— Мы близнецы, тупица, ты такой же.

Кира наморщила веснушчатый нос, поймала взгляд подруги и кивнула. Да, та искренне желала ей помочь, но от этого не становилось легче.

Фирен, закончив складывать копья в стойку, подошел к девочкам с ухмылкой, обнял обеих за плечи и быстро сменил тему:

— Ладно, хватит тренировок! Поговорим о вечере! После ужина — все в «Под крыло»: говорят, в таверне будет жарче, чем у костров Балтейна!

Подняв голову и заметив две пары знакомых крыльев, рассекающих воздух, Кира сказала:

— Мне пора, отец вернулся. А с ним тетя Керон. Увидимся позже!

Близнецы проводили взглядом фигуры, направлявшиеся в сторону башни военной академии на белесой скале, и крикнули одновременно:

— До вечера!

Кира рассмеялась и, на ходу застегивая кожаную куртку, перешла на бег. Ее окутало легкое свечение, аромат дыма и пряных трав наполнил воздух. По спине пробежали мурашки, между лопатками заискрились маленькие всполохи огня.

Крылья фениксидов проявлялись за спиной постепенно, словно вырастая из самой сути их магии. Сначала искры, затем вспышки пламени, которые соединялись, формируя величественные перья. Они сверкали золотым и красным — цвета Великой Феникс, дарующей жизнь.

Но крылья Киры были иными. Ослепительно-белоснежные, с алыми кончиками — как закат, разливающийся по краям облаков.

Кира поднялась в полуденное небо, оставляя за собой вихрь теплого воздуха. Каждый взмах дарил ей ощущение свободы и силы.

План был прост: обогнать отца и остаться незамеченной. Кира направилась к знакомым арочным окнам башни военной академии. Влетела через открытое окно кабинета и приземлилась, подняв пыль, аккуратно между стопками книг и этажеркой, заваленной письмами.

Оконная рама дрожала за спиной, вторя тяжелым шагам в пустом коридоре. Глава клана фениксидов не просто шел в ее сторону. Он был страшно зол. Кира метнулась обратно к окну, в укрытие.

Дверь распахнулась, гулко ударившись о стену.

Маалок Скайфолл огненным вихрем ворвался в свой кабинет, его крылья взметнулись, снося все на своем пути. Маалок сконцентрировался на внутреннем пламени, и крылья исчезли, оставляя лишь легкий шлейф искр. Когда свечение погасло, фениксид вернулся к своему обычному облику.

Не заметить алые кончики перьев, выглядывающие из-под тяжелых бордовых портьер, было практически невозможно. Но Маалок смотрел в пустоту, сжимая челюсть, и, казалось, не видел ничего вокруг. Воздух наполнился запахом озона и гневом.

Керон Скайфолл, с рыжими с проседью волосами, его свояченица, зашла следом, все еще пытаясь успокоить разъяренного главу.

— ...Туманы над Пустошью все больше расползаются, Маалок.

— Керон! Какие гарантии, что это не ловушка? Они хотят забрать наших птенцов! — Маалок мерил шагами кабинет.

«О, папа, — подумала Кира в своем укрытии. — Мне будет сто лет, а ты все еще будешь считать меня птенцом». Пыль щекотала ей нос. Угроза выдать свое присутствие нарастала.

Кабинет представлял собой хаос из бумаг и редких артефактов. Огарки свечей, оставшиеся после долгих ночей исследований, были расставлены неровными кругами, словно они сами по себе — часть некого ритуала. В центре комнаты на ковре лежала карта континента. Поднебесье.

Кира все-таки чихнула.

Отец резко обернулся — его взгляд едва не прожег портьеру. Казалось, все, что окружало его в кабинете, немедленно замерло под натиском этого взгляда — даже полки, заваленные свитками и книгами, пытались притихнуть, чтобы не попасть под раздачу.

— Вылезай немедленно, Кира Скайфолл. И пять минут в планке, пока объясняешься.

Кира досадливо застонала и покинула укрытие. Спорить было бесполезно: излюбленный отцовский метод воспитания — тренировки и наставления, желательны одновременно. Керон незаметно подмигнула племяннице, пока та опускалась на пол.

— Время пошло. — Маалок посмотрел на часы над камином — подарок его покойной жены.

Керон наблюдала за братом и его дочерью, скрестив руки в кожаных наручах на груди, и едва сдерживала смех.

— Пап, ну я просто сказать хотела: нас на ужин позвали, — простонала Кира, стоя в планке.

— Подслушивая? Зубы мне заговариваешь? Еще три минуты! И втяни живот — как ты вообще летаешь с таким прессом? — Маалок безумно любил свою дочь, но никогда не жеманничал со своим «маленьким птенчиком». А тут еще и эти сборы. Судя по его виду, он ломал голову, как бы оставить Киру в Гнеезде в обход собственных же правил. Кира знала ход мыслей отца: Маалок хотел, чтобы она была здесь, рядом с ним, в безопасности. Но по всему выходило, что лететь надо. По физической подготовке ей почти нет равных. «Вот и вышли тебе боком отжимания да планки, Маалок Скайфолл, получай», — мысленно усмехнулась Кира.

Кира уставилась на карту. Крылья она так и не успела убрать. Струйка пота скатывалась от шеи в ложбинку между крыльями — самое чувствительное место. Кира мечтала сбегать подальше от отцовской муштры.

Карта континента раскинулась под ней огромной птицей. Веймутский хребет разделял землю ровно пополам. Левое крыло «птицы» — эти жаркие южные земли — Кира могла бы нарисовать с закрытыми глазами.

Вот Самшитовая светящаяся роща — там растут деревья, чьи листья светятся в темноте, подпитываемые энергией Великой Феникс. В ночное время роща оживает: каждая ветвь и лист отражают лунный свет, словно тысячи крошечных звезд. Излюбленное место сбора голубики и ловли головастика жабрюхов. Все дети фениксидов знали, что жабрюхи отпугивают драконов по ночам, когда те приходят за непослушными детьми.

Чуть дальше — озеро Слез с капризными наядами, требующими подарков за право искупаться. И конечно, Гнеезд — величественный замок нависал над Вечным морем, сонно облизывающим город на скале.

— Кира, одна минута.

Она проклинала себя: пытаясь остаться незамеченной, она не сложила крылья, и теперь они здорово увеличивали нагрузку. Руки уже предательски дрожали. Взгляд скользнул дальше.

Вдоль Самшитовой рощи пролежала горная цепь Веймутского хребта. Пролетая сквозь облака-барашки, можно было посмотреть вниз и увидеть их близнецов на земле — белоснежных пухлых овец, бегущих по зеленым холмам. Чуть ниже на карте были расположены поселения Рёге и Медок, лишенные прямого доступа к морю, в отличие от Гнезда, важнейшего торгового узла всех фениксидов.

За хребтом начинались северные земли драконитов. Известно, что они почти зеркально отражали южные, но разведка давно подтвердила наличие множества пещер и сопок, тщательно охраняемых драконитами и магией. А еще там было холодно. Невыносимо холодно. Однажды Кира в порыве юношеской дерзости поспорила с Финорис, что раскроет тайну этих сопок, где, по слухам, хранились несметные сокровища. Ее поймали патрули фениксидов, словно котенка, при попытке пересечь хребет. В наказание ей запретили летать в течение месяца и отправили на принудительные общественные работы — горький урок за то, что осмелилась перелететь границу.

— Итак, дочь моя, любопытство до добра тебя не довело и в этот раз. — В глазах отца все же лучилось тепло. Кира всегда действовала на него успокаивающе. Однако выражение лица оставалось воспитательно-серьезным. — Время. Вставай.

Кира рухнула без сил прямо на карту.

— Я не любопытна, а любознательна, — простонала Кира, пытаясь отдышаться. — Тем более что ты вернулся с новостями, которые напрямую касаются меня и ребят, — добавила она уже бодрее, простодушно улыбаясь. Потом встала с пола и отряхнула пыль. — И кроме того, тебя не было со вчерашнего дня, значит, спор в Совете был жарким. А я хотела узнать все первой, иначе ты подорвешь мой авторитет. И вообще, пап, давай я все-таки протру здесь пыль, это невыносимо! — Театрально всплеснув руками, она продолжила тараторить: — Так что, нам придется лететь к драконитам или нет? Почему к ним? Когда? — Кира умело перескакивала с одной темы на другую, заговаривая отцу зубы.

Маалок легонько щелкнул дочь по носу, останавливая поток ее сознания. Устало вздохнул и опустился в потертое кожаное кресло.

— У драконитов есть отдельно стоящий гарнизон в старой крепости под хребтом, близко к нейтральной территории, так всем удобнее. Мы сами отказались подпускать их слишком близко к нашим городам. — Задумчиво пригладив бороду, Маалок добавил: — Нейтральной территорией никто не занимается, она давно заброшена.

Кира вспомнила о «голове птицы» на карте, разложенной на полу. Нейтральная территория, запретное место, где возвышалась священная гора Атаракс. Легенды гласили, что на ее вершине находилось Первозданное Гнездо Великой Феникс — колыбель мира.

Запретной эта территория стала после войны кланов две с половиной тысячи лет назад. Для фениксидов, чья средняя продолжительность жизни составляла двести лет, это было не так давно. Боль от потерь и гнев все еще тлели в сердцах народов. Дракониты и фениксиды имели крылья, общие легенды, но это не помешало им возненавидеть друг друга. По-

сле окончания войны над Пустошью стали подниматься туманы, на которые никто не обращал внимания, пока паломники, направлявшиеся к подножью Атаракса, не начали исчезать один за другим. Поисковые отряды пропадали, и лишь немногие вернувшиеся рассказывали о неведомых монстрах.

Керон присела на край дивана — единственное свободное от свитков место. В ее голосе слышалось напускное спокойствие, за которым пряталась тревога.

— Птенчик, нападения чудовищ участились. Две недели назад драконитам чудом удалось избежать большого количества жертв у одного из поселений. Ситуация серьезная. Это новый вид монстров, таких еще не встречали: полупрозрачное существо из теней с горящими красными глазами и крыльями летучей мыши.

Кира нервно переступила с ноги на ногу:

— И как же его смогли убить?

— Никак. Он исчез. Знаешь, пока дракониты отбивались, нескольких бойцов все же потеряли, часть ранены. Но жертвы могли быть и среди мирного населения, если бы вовремя не подоспела подмога. Я не умаляю их прошлых грехов, но чудовища — наша общая проблема. Основные войска распределены по периметру территорий, граничащих с туманной Пустошью. Солдат катастрофически не хватает.

— Дракон тебя подери, Керон! — Маалок явно не хотел рассказывать таких подробностей дочери.

— Маалок, мы это уже обсуждали. Она должна знать, к чему ты ее готовишь. Должна научиться выживать в новых условиях, иначе какой смысл во всех ее тренировках? Она одна из лучших среди курсантов, — напомнила Керон. — Дракониты... Помнишь, что случилось в прошлый раз?

— Хватит об этом. — Маалок сжал губы в тонкую линию. — У нас новый путь, и это все, о чем тебе нужно помнить. — Он

стоял, сложив руки на груди, его взгляд оставался твердым, словно высеченным из камня. — Ты должна быть предельно осторожна, Кира, — произнес он с нажимом. — Я не позволю тебе стать еще одной жертвой этой войны.

«Слишком много вопросов, слишком мало ответов. В этом тумане исчезают не только наши люди, но и воспоминания о прошлом, где дракониты и фениксыды были едины». Кира прикусила губу, ее руки сжались в кулаки. Отец всегда считал ее маленькой девочкой, слабой, недостаточно подготовленной. Он не замечал ее решимость, ее стремление доказать свою силу.

— Ты всегда так говоришь, пап, я знаю, что ты пытаешься меня защитить. — Голос дрожал не от страха, а от злости. — Всегда пытаешься держать меня на коротком поводке. Но я не могу сидеть здесь и просто смотреть, как мои друзья там рискуют жизнью!

— Это не повод идти на смерть, — парировал Маалок, его глаза на мгновение потемнели. — Ты не понимаешь, насколько все опасно. У тебя нет той силы, что есть у других, у тебя нет магии!

Кира резко вскинула голову, ее крылья нервно подрагивали за спиной. Она слышала эти слова сотни раз, и каждый раз они больно кололи в самое сердце. «Ты недостаточно сильна», — слетало с его уст, сколько она себя помнила. Но вместо того, чтобы сломаться под грузом этих слов, она позволила им стать топливом для своей решимости. Может, ее магия и была слабой, но упрямство и страсть никогда не зависели от волшебства. «Однажды, — думала она, сжимая кулаки, — он поймет, что его дочь не нуждается в магии, чтобы стать лучшей».

— Да, у меня *почти* нет магии, — ответила она, каждое слово звучало как вызов. — Но у меня есть воля. У меня есть

мастерство и подготовка. Я тренировалась каждый день, чтобы стать лучшей, и это ты мне внушил! Ты учил меня бороться, но теперь хочешь держать меня рядом, как слабого птенца!

Маалок вздохнул — его суровая маска треснула на долю секунды. Он шагнул к дочери, и на его лице проступило отчаяние.

— Я уже потерял твою мать, Кира. И потерять тебя... — Его голос дрогнул, но он быстро справился с эмоциями. — Я просто не могу.

Кира почувствовала, как ее ярость угасает, уступая место горькой жалости. Она стиснула зубы, сдерживая слезы.

— Я твоя дочь, — прошептала она. — И если ты правда меня любишь, ты должен доверять мне. Я должна лететь, чтобы найти свое место, чтобы понять, кем я могу стать.

Отец долго смотрел на Киру, словно пытаясь разглядеть в ней ту маленькую девочку, которую он так хотел защитить. Но перед ним стояла взрослая девушка с горящими глазами и внутренней силой — и она отказывалась подчиняться.

— Хорошо, — наконец произнес он, опустив руки. — Но знай, что каждое твое падение будет отзываться болью в моем сердце. И я всегда буду рядом, чтобы поднять тебя.

Кира кивнула, чувствуя, как в ее груди разгорается огонь. Отец, сам того не ведая, помог ей утвердиться в своем решении.

Да, Великая Феникс не наградила ее способностями. Да еще и, как назло, пометила крылья этими алыми пятнами, как будто весь мир должен знать, что она порченная. Зато природа наделила Киру упертостью, и она докажет, что и без магии она — одна из лучших. Даже эта заноза Мирра, которая когда-то была ее подругой, а потом превратилась в соперницу, не могла превзойти Киру. Близнецам повезло: у них есть

связь. Они с рождения могли не только общаться без слов, но и передавать друг другу часть магии. Кира же закаляла тело бесчисленными тренировками, компенсируя отсутствие магии силой и выносливостью.

Тягостное молчание затянулось; Маалок насупился, как это бывало, когда он чувствовал себя неправым. Кира разжала ладонь и выпустила напоказ пару искр — жалких, погасших почти сразу. Ее магии хватало лишь для разведения костра да зажжения свечей, а если повезет, то можно и согреться, призывая внутренний огонь. Не сравнить со световыми копьями Фирена или громовыми молниями Керон. Все знали: Керон злить себе дороже!

Керон отвернулась к окну, чтобы никто не увидел, как у нее на глаза навернулись слезы, и молча наблюдала за Вечным морем, вспоминая день, когда она потеряла свою родную сестру, Маалок — жену, а Кира — маму.

ГЛАВА 2

— Вылетаем завтра, сразу после празднования Балтейна, — Маалок делился новостями с Астрид и Бэроном Айерхил, родителями близнецов.

Кира подцепила вилкой остаток пирога с тыквой и пряной уткой. Таким ароматным его умела делать только тетя Астрид и — когда-то — Кирина мама. Вкус пирога поднял воспоминания, которых Кира боялась. Она натянуто улыбнулась отцу:

— Ты внес нас в список?

Отец помрачнел, но утвердительно кивнул.

— Так, надо еще вещи успеть собрать. — Финорис всплеснула руками.

— Фин, главное, мозги не забудь! — поддразнил Фирен сестру и едва увернулся от запущенного в него куска хлеба.

— У меня они хотя бы есть! — Очередной кусочек угодил ему в лоб и отскочил в тарелку с похлебкой — брызги полетели точно в цель. Фирен притих и стал оттирать жижу с одежды, что-то бурча себе под нос. Бэрон жестом остановил надвигающееся побоище.

— Заканчивайте. — Он подлил еще вина Астрид и Маалоку. Рассматривая отблески от свечей в бокале, задумчиво

продолжил: — А что по поводу совместного патрулирования на границах? Какое принято решение?

Маалок вздохнул:

— Сложно. Ты же знаешь их настроения: готовы перегрызть друг другу глотки даже на Совете. Пока решили проверить, сможем ли мы вообще существовать в одном пространстве, так что ребят ждет только продолжение обучения и боевое слаживание. — Помолчав немного, он добавил: — А там видно будет.

— Надеюсь, они не поубивают друг друга.

Астрид, хрупкая фениксидка с такими же непослушными кольцами кудрей, как у ее дочери, потянулась через стол и мягко сжала руку Бэрона.

— На этот раз мы остановим туман, милый. Другого пути нет. — Слова прозвучали едва слышно, как отголосок чего-то, что мучило ее уже много лет.

Кира и близнецы переглянулись, недоумение читалось на их лицах. На этот раз? Никто не упоминал об этом раньше.

После ужина Кира помогла Астрид убрать со стола, а Бэрон и Маалок переместились в гостиную. Дом был небольшим, но светлым и уютным — благодаря заботе Астрид. Чердак с витражным окном — любимое место Киры, где она и близнецы ночами мечтали о великих подвигах, о том, что однажды перелетят через Вечное море.

— Давай домывай скорее, чего ты копаешься? — Финорис зашла на кухню и направилась к окну.

Фирен тщательно намывал тарелки, но довольным явно не выглядел. Его возмущенные комментарии не заставили себя долго ждать.

— Знаешь, дорогая сестричка, если бы ты помогла, было бы быстрее! — бухтел он, не забывая усердно ополаскивать стаканы и вилки.

— Сегодня твоя очередь, — отрезала Финорис, сидя на табуретке и демонстративно сложив руки на груди.

— А кто эту очередь устанавливал и по какому принципу? — пропыхтел Фирен.

Кира, которая в сторонке помогала Астрид обтирать уже чистые тарелки, усмехнулась:

— Ты же все равно только руками махать и умеешь, так что считай это разминкой.

Фирен закатил глаза, но, посмотрев на маму, с легкой долей подозрительности спросил:

— Мам, а что ты имела в виду за столом, когда сказала «на этот раз»? Разве раньше уже приходилось сталкиваться с туманом из Пустоши?

Кира замерла на мгновение. Руки Астрид застыли над последней тарелкой. Легкая тень прошла по ее лицу, и она опустила взгляд, будто раздумывая, что можно рассказать, а что лучше оставить в прошлом. Затем она снова подняла глаза и, увидев настороженные лица детей, тихо сказала:

— Понимаете, мои дорогие, в каждой семье есть тайны, которые открываются лишь с годами. Когда-нибудь вы обо всем узнаете, но сейчас не время. Поверьте, иногда важно просто делать свое дело, не задавая вопросов.

Астрид нежно потрепала Фирена за ухо и, попрощавшись, вышла. В воздухе повисло тягостное «Когда-нибудь вы обо всем узнаете».

Кира посмотрела вслед Астрид и внезапно почувствовала очередной укол обиды. Она заметила задумчивое выражение лица Астрид и как быстро та отвернулась, будто не желая встречаться с ней взглядом. Это показалось Кире странным. Родители что-то скрывали. Полушепот за столом только подтверждал это. Фраза «на этот раз» не выходила у Кире из головы.

— Странно это все, да? — Фирен, не привыкший долго держать в голове информацию, не касающуюся тренировок, легко перепрыгнул через подоконник и уже с улицы крикнул: — Ну, вы летите в город?

Девчонки одновременно вздохнули, глядя на этого здорового, который все еще вел себя как ребенок.

— И как в одном человеке сочетается так много мышц и так мало мозгов? — Финорис театрально вздохнула и закатила глаза. — Чудеса наследственности, не иначе.

После этого она с легкостью и грацией перемахнула через подоконник и бесшумно приземлилась на мягкую траву.

И пока они спешно догоняли Фирена, Кира поняла, что этот перелет через Веймутский хребет — возможно, ее шанс. Шанс найти ответы на вопросы, которые окружающие почему-то не хотят обсуждать.

Лететь до Торговой улицы было всего ничего, но в наступивших сумерках ребятам захотелось пройтись пешком по узким тропам у отвесной скалы, подышать соленым бризом. Гнеезд был известен своими парящими мостами, которые соединяли районы города. Эти мосты, поддерживаемые магией, позволяли фениксидам перемещаться на разных уровнях как в вертикальном, так и в горизонтальном направлении. Один из таких мостов, натянутый над пропастью, покачивался под ногами Кирры, открывая захватывающий вид на вечерний город, утопающий в мерцающем свете магических фонарей. Словно замершие в воздухе светлячки озаряли улицы мягким золотистым свечением. Легкий бриз приносил с собой запах морской соли. Вечерняя пока еще свежесть напоминала, что вскоре самым ходовым товаром в городе станет ледяная стружка с кусочками фруктов — идеально, чтобы охладиться в жаркий сезон.

Город бурлил в предвкушении Балтейна. На главной площади кипела работа: собирали кострище, вокруг которого

вскоре разгорится праздник, полный света и радости, дань Великой Феникс. Троица друзей неспешно брела по улице, наблюдая за местными жителями, которые украшали фонарные столбы светящимися золотом цветами и растягивали между ними гирлянды. Торговая улица превращалась в настоящий фейерверк красок и звуков. Воздух был наполнен ароматами специй, цветов и свежих фруктов, сплетавшимися в пьянящую симфонию.

Яркие ткани, развешенные подобно флагам, трепетали на ветру, создавая разноцветный навес над головами прохожих. Повсюду раздавались зазывные крики торговцев: каждый старался перекричать соседей и убедить покупателей, что его товары волшебнее и диковиннее прочих.

Но Кира и близняшки действовали согласно плану: сначала выбрать венки, символ нового цветения, и занять лучшие места поближе к кострам Балтейна, а после отправиться в бар к остальным кадетам, чтобы отметить этот магический праздник.

— А ты знаешь, что у драконитов Балтейн вовсе не Балтейн, а Гарданарян? — Финорис остановилась у цветочной лавки, ее глаза заблестели от предвкушения. Пальцы девушки скользнули по нежным лепесткам сирени, и на ее губах заиграла хитрая улыбка.

Кира с легкой насмешкой взглянула на подругу:

— И что, название — единственная разница?

Финорис фыркнула, театрально закатив глаза:

— Конечно нет! Все намного тоньше и, я бы даже сказала, изысканнее. Если у нас Балтейн посвящен огню, жизни, эмоциям и всей этой типично фениксидской сентиментальной чепухе, то у них Гарданарян — праздник теней. Они верят, что именно сегодня их магия достигает пика, а тени становятся настолько послушными, что могут исполнить даже самые темные желания. — Она понизила голос до заговорщицкого

шепота. — Ты представляешь, сколько темных тайн можно раскрыть за один такой вечер?

Кира хмыкнула, примеряя венок с сиренью:

— Чудесно. Надеюсь, мы решим все вопросы в гарнизоне до того, как я узнаю, чем еще мы существенно различаемся, — фыркнула Кира и остановила свой выбор на аккуратном венке из ландышей. Он идеально подходил к ее струящемуся сарафану. Аромат навевал воспоминания о детстве, когда мама учила маленькую Киру плести венки из собственноручно собранных в подлеске первых цветов.

Понравившиеся венки девушки аккуратно уложили в корзины и, пожелав старенькой фениксидке удачной торговли, вышли из магазинчика. Фирен торговался с продавцом у лавки с магическими зельями, способными пробудить энергию или успокоить ум. Эти флаконы поблескивали голубоватым светом — верный признак магии лекарей. Жаль, что подобные эликсиры совершенно не действовали на магию Киры. Близнецы не раз ставили эксперименты над ней, пытаясь пробудить и усилить крохи ее магии. Вот и сейчас Кира подозрительно сощурила глаза: Фирен явно взялся за старое — продавец полез в подсобку за склянками. Все знали: под полкой он прятал особенно редкие зелья.

Кира уже начинала опасаться новой выходки Фирена, но тут ее взгляд зацепился за соседние лавки. Рядом находились продавцы амулетов и талисманов, каждое украшение было создано для защиты или для привлечения удачи. Киру заинтересовал таинственный свет за одной из дверей. Она замешкалась у входа, а затем вошла внутрь. Деревянные полки были заставлены амулетами всех форм и размеров: от простых ниток-браслетов до серебряных кулонов с замысловатой вязью, украшенных небольшими драгоценными камнями.казалось, они излучали собственное свечение. Взгляд остановил-

ся на медальоне с солнцем и луной: у двух светил, соединенных вместе, были красивые резные крылья.

— Этот медальон усиливает связь между двумя людьми, — пояснил продавец, заметив ее интерес. — Идеально для тех, кто хочет сохранить магическую связь, даже находясь далеко друг от друга. — Он подмигнул Кире.

Кира, заливаясь румянцем, быстро приобрела медальон, представляя, как он будет соединять ее и Аарона, несмотря на расстояние. Парень, появившийся в ее жизни в самые темные времена. Парень, который держал ее за руку у погребальных костров их матерей. Не дав грусти охватить ее, она снова мысленно запечатала эту тему.

Кира спрятала медальон в карман, но не успела отвернуться, как на ее плече оказалась рука Фирена. Его глаза блеснули от любопытства.

— Что там у тебя? — с хитрой улыбкой спросил он, потянувшись за медальоном к ее карману. — Это для кого-то особенного? Неужели для меня? А ну покажи!

Кира, смутившись, отступила на шаг, инстинктивно прикрывая карман рукой.

— Ни за что, — ответила она, чувствуя, как ее щеки пылают. — Это просто... просто для привлечения удачи.

— Ну, допустим, я поверил, но, когда мне понадобится удача, я с тебя требую свой амулет! — фыркнул Фирен и утянул Киру в сторону площади, следом за Финорис. Кира кивнула, бросив быстрый взгляд на карман с медальоном, который теперь был ее маленьким секретом.

По пути к главной площади на каждом углу можно было встретить музыкантов, играющих на причудливых барабанах. Ритмы наполняли улицу и заставляли сердца биться быстрее. В воздухе кружились танцоры, их движения были грациозны и легки. Детишки смеялись и бегали вокруг — они еще

не умели летать, только ловили искрящиеся огоньки, которые вылетали из магических фонарей мягкими золотистыми перышками и устилали брусчатку.

Празднования сопровождались разжиганием костров, в то время как в домах, по обычаю, гасили весь свет.

Фениксиды собирались в большой круг: каждый поочередно зажигал свою свечу от соседней слева и передавал огонь дальше. Мелодичное пение хора разливалось по всей площади, таинство встречи Балтейна должно было вот-вот начаться. Послышались волшебные звуки скрипок и флейт; когда дошла очередь до Киры, она зажгла свою свечу и передала огонь Финорис. Балтейн — единственная священная ночь в году, когда огонь не просто восполнял, но и многократно усиливал магию фениксидов. Под громкие возгласы толпы фениксиды разделились на пары и начали взлетать над огнем, кружась в причудливом танце.

— Ну? Полетели? — Фирен широко улыбнулся и схватил девчонок под руки, увлекая их на воздушных потоках к священному костру. — Зажжем!

Это была чудесная традиция прощания с прошлым и встречи нового. Всю ночь, до самого рассвета, фениксиды прыгали через огонь, совершая ритуал очищения и перехода в новый этап. Так они восхваляли Великую Феникс, даровавшую жизнь и крылья всем фениксидам.

Под смех и радостные крики Кира с друзьями ввалились в бар вместе с толпой. Кто-то пытался влететь через широкие открытые окна, но «Под крылом», находившийся прямо в скале, был заполнен до отказа. Стены, расписанные всевозможными пьяными рисунками постоянных посетителей, сотрясались от гвалта толпы, музыки и феромонов. Здесь действительно крылу негде было упасть — сплошные кадеты. Видимо,

идея проститься на время с домом пришла не только Фирену, но и всему вылетающему корпусу академии.

— А правда, что дракониты откладывают яйца? — Кажется, это говорили кадеты-первокурсники. Даже сквозь шум вокруг угадывалась одна и та же тема вечера — дракониты. Кира фыркнула, но тоже задумалась над вопросом, неуверенная в правильном ответе. К сожалению, эти знания не были доступны и на втором курсе.

— Эй, подвиньтесь, чего встали на проходе? — выкрикнула статная блондинка Лаура, однокурсница Киры. Она проталкивалась между ребятами, явно намереваясь пролезть к барной стойке вне очереди. Но в баре в эту ночь были другие порядки. Кира приветливо махнула рукой, но ее оттеснили.

— Хватай ее, качай, пока не укачает! — весело крикнул кто-то из толпы. И вместо того чтобы пропустить Лауру к бару, ее под громогласный смех бесцеремонно подняли на руки. Бар наполнялся какофонией звуков музыки, бьющегося стекла, смеха и присказок о том, как фениксы уделают драконитов при первой же возможности.

Кира махнула знакомому бармену, и он тут же налил им по стопке зловонной жидкости медового цвета.

— Отец говорит, что из Медока и Рёге тоже прилетят наши, — задумчиво проговорила Кира, допивая третью стопку.

— Думаешь, Аарон прилетит? — Финорис пыталась перекрыть толпу, наклоняясь к самому уху Киры.

— Надеюсь. — Губы Киры растянулись в улыбке, глаза заблистали. Аарон был принцем из ее запретных снов. Когда-то они жили в Гнеезде по соседству, но через три месяца после гибели их матерей отец Аарона перевелся по службе в Рёге. Вот уже несколько лет они не виделись, но тепло в груди никуда не делось. Кира и сейчас вспоминала, как украдкой наблюдала за Аароном

через окно, пока он читал. Или когда его русые волосы падали на глаза, а Кире хотелось протянуть руку и дотронуться до лучей света, игравших в прядях.

— Только не вееди себя как дура, когда это случится, обещаай! — Финорис была свидетелем зарождения этой влюбленности, и именно ей приходилось выслушивать причитания Киры, когда Аарон улетел.

— Ты имеешь в виду, как Фирен в присутствии Миры?

Обе залились смехом, ища глазами виновника их веселья, но продолжить разговор они не смогли: толпа утянула их танцевать под живую музыку местной группы.

Вернувшись под утро домой, пьяные, шикая друг на друга, чтобы не шуметь, но создавая при этом еще больше шума, Фирен и Кира затолкнули Финорис в открытое окно. Хвала Феникс, она убрала крылья и помещалась в проем вся, правда, сопротивлялась и глупо хихикала. Кира с ужасом представляла, как им будет плохо утром.

— Увидимся на плацу. — Попрощавшись, Кира расправила крылья, взмыла в воздух и, не оглядываясь, полетела в сторону своего дома, сжимая в руке венок из ландышей.

Там Кира рухнула на постель и мгновенно погрузилась в сон, но вместо желанного покоя ее охватила густая, вязкая темнота, холодом сковавшая крылья. Она проваливалась все глубже, ощущая, как невидимая сила стягивает ее вниз, не позволяя вырваться.

Темнота вокруг разошлась, и перед ее глазами вспыхнул яркий, но смутный образ: на краю отвесного обрыва стояла ее мать — хрупкая и уверенная, с белоснежными крыльями, едва касающимися земли. Ночь скрывала ее лицо, но глаза светились, будто озаренные огнем, пронизывающим ее изнутри.

— Мам? — Кира попыталась крикнуть, но звук утонул в густой тишине. — Мамочка!